

Г. Л. С О Б О Л Е В

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Отражение общественного бытия в сознании людей происходит как в форме общественной психологии, т. е. совокупности чувств, настроений, переживаний, иллюзий, интересов, вкусов, потребностей, привычек, традиций, нравов и обычаев, возникающих стихийно в процессе повседневной, будничной жизни, так и в форме общественной идеологии, т. е. совокупности идеологических систем, взглядов, научных знаний и т. д.

Общественная психология исторически была первой и в течение длительного времени единственной формой общественного сознания. «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии». — Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей».¹ Идеология как особая форма духовной деятельности общества возникает позднее, имея своим источником развитую общественную психологию.

В реальной жизни идеология и общественная психология, тесно переплетаясь, не существуют в чистом виде. В отличие от идеологии общественная психология находится в более непосредственной зависимости от изменений в системе социальных условий и отношений, для ее формирования особое значение имеет жизненный опыт масс, характерно преобладание элементов стихийности.² Идеолог теоретически подходит к тем выводам, к которым стихийно стремится класс в своих потребностях, интересах и чаяниях.³ Идеи, воспринятые массами, порождают новые чувства, придают новое содержание уже имеющимся, оказывают,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 24.

² Б. Д. Парыгин. К вопросу о предмете социальной психологии. *Вопр. психол.*, 1962, № 5, стр. 109.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 148.

таким образом, влияние на характер общественной психологии. Поэтому судить о сознании определенной исторической эпохи нужно на основании анализа как ее идеологии, так и психологии.

Между тем до недавнего времени у нас наблюдалась тенденция изучать общественное сознание главным образом в его идеологических формах, разработка же проблем общественной психологии по существу не велась. Такое положение объяснялось во многом тем обстоятельством, что социальная психология, изучаемая в капиталистических странах с порочных методологических позиций, использовалась и используется по сей день в реакционных политических целях; по этой причине среди части советских ученых в течение длительного времени бытовало мнение, что социальная психология несовместима с марксизмом. Однако, что правильно теперь отмечается в нашей литературе, социальная психология как наука не сводится к совокупности идеологических приемов, используемых в интересах буржуазии, ее возникновение связано с потребностями развития научного знания и с интересами не только реакционных, но и прогрессивных классов.⁴

Хотя истоки многих идей, развитых впоследствии в буржуазной психологии, мы находим еще у Платона и Аристотеля, а затем у Мальбранша, Вико, Гельвеция, Фейербаха, Гегеля и др., возникновение социальной психологии относится ко второй половине XIX в. Именно в этот период проблемы общественной психологии становятся одной из ведущих тем в исследованиях лингвистов, этнографов, археологов, историков, правоведов, психологов, психиатров и представителей других отраслей науки.

В 1860 г. немецкие ученые филолог Г. Штейнгалль и философ М. Лацарус начали издавать журнал «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft», в первом номере которого они выдвинули программу изучения психологии народов на основе анализа языка, мифологии, религии, фольклора, обычаев, нравов и т. д. Они объявляли народный дух такой же реальностью, как и индивидуальная душа. Хотя обращение Г. Штейнгалля и М. Лацаруса к проблеме психологии народов в значительной мере определялось необходимостью изучения психологии колониальных народов, которая трактовалась ими с реакционных идеалистических позиций, тем не менее такая постановка вопроса явилась толчком к возникновению новой отрасли науки. Создание психологического направления в языкознании принято считать началом возникновения социальной психологии вообще.⁵

⁴ Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука. Л., 1965, стр. 10.

⁵ В. М. Хвостов. Социология, ч. 1. М., 1917, стр. 278—282; Е. С. Кузьмин. К вопросу о социальной психологии. В сб.: Проблемы общей и индустриальной психологии, Л., 1963, стр. 141; Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука, стр. 15—16.

Во второй половине XIX в. исследование исторических форм сознания человека стало одной из ведущих тем в антропологии, этнографии и археологии (груды Тейлора, Моргана, Леви-Брюля и др.). Проблемы социальной психологии заняли видное место в работах многих представителей буржуазной исторической науки.⁶ В конце XIX в. немецкий историк К. Лампрехт выдвинул тезис «История сама в себе — не что иное, как прикладная психология». Поэтому предметом исторической науки, по его мнению, должна была стать «общественная душа».⁷

Горячим сторонником изучения общественной психологии выступил видный русский историк П. И. Кареев. «К сожалению, эта сторона коллективной психологии — психическое действие человека на человека, единицы на массу и массы на единицу, — писал он, — совсем не разработана, и никто не мог бы быть компетентнее историка в решении общих и частных вопросов, касающихся этого предмета».⁸ Правильно подчеркивая важность исследования историком духовной культуры, формирования представлений, верований, настроений, чаяний и т. д., П. И. Кареев, однако, видел во всем этом лишь результат психологического взаимодействия людей, выступал против марксистской теории исторического процесса, против определяющей роли экономики в жизни общества.

Работы психологов Болдуина, Мак-Дауголла, Вундта и Рибо положили начало социально-психологическому направлению в самой психологической науке. Выдвинув положение о том, что психология народов опирается на индивидуальную психологию и что в ней нет законов, принципиально отличных от законов психологии личности, В. Вундт сделал попытку нарисовать психологическую историю человечества, которая в его интерпретации имела сходство с историей психологии отдельного человека.⁹

Проникновение социальной психологии в психиатрию связано с именами В. М. Бехтерева и З. Фрейда. Исследуя роль внушения в массовом психозе, В. М. Бехтерев пришел в 90-х годах XIX в. к выводу, что внушение во всех его формах есть «психический микроб», который является одним из важных социальных факторов в жизни человека и всего общества. «Благодаря этому взаимовнушению, — писал он, — отдельные члены как бы наэлектризовываются и те чувства, которые испытывают отдельные лица, нарастают до необычной степени напряжения, делая толпу

⁶ Необходимо отметить, что отдельные вопросы общественной психологии освещались некоторыми историками, изучавшими массовые народные движения, задолго до возникновения психологического направления в исторической науке.

⁷ К. Л а м п р е ч т. *Moderne Geschichtswissenschaft*. Berlin, 1920, SS. 16—17.

⁸ П. И. К а р е е в. Историко-философские и социологические этюды. СПб., 1895, стр. 53.

⁹ В. В у н д т. Проблемы психологии народов. М., 1912.

существом могучим, сила которого растет вместе с возвышением чувства отдельных ее членов. Только этим путем, путем самовнушения, и можно себе объяснить успех тех знаменательных исторических событий, когда нестройные толпы народа, воодушевленные одной общей идеей, заставляли уступать хорошо вооруженные и дисциплинированные войска, действовавшие без достаточного воодушевления».¹⁰

Австрийский психиатр З. Фрейд выдвинул в корне порочный тезис о решающем влиянии полового влечения на поведение человека и всю жизнь общества. Разработанная им теория психоанализа, которая имеет широкое хождение и поныне, объясняет содержание и смысл классовой борьбы, войн и революций коллективным неврозом, массовой истерией, вышедшей из глубин подсознательного.¹¹

С одной стороны, возникновение социальной психологии вытекало из потребности развития отдельных общественных наук, с другой стороны, оно было связано с образованием в 90-е годы XIX в. психологического направления в буржуазной социологии.¹² Виднейшими представителями нового направления были Л. Уорд — в США, Г. Тард и Г. Лебон — во Франции, С. Сигеле — в Италии, Н. К. Михайловский и Н. А. Рожков — в России. Психологизация буржуазной социологии, находившейся в этот период в состоянии глубокого кризиса, была реакцией на пробуждение классового сознания трудящихся, на распространение идей научного коммунизма, на утверждение материалистического понимания истории, данного марксистской теорией. В предисловии к русскому переводу книги Г. Лебона «Психология социализма» ее издатель писал, что книга «может принести большую пользу в борьбе с социализмом и революционизмом».¹³

Однако сам факт обращения буржуазной социологии к психологии масс свидетельствовал одновременно о признании ею важности массовых движений в историческом процессе. «Вступление народных классов на арену политической жизни, т. е. в действительности их постепенное превращение в руководящие классы, представляет одну из наиболее выдающихся характерных черт нашей переходной эпохи», — горько сетовал Г. Лебон, для которого это вступление означало «один из последних этапов цивилизации

¹⁰ В. М. Бехтерев. Роль внушения в общественной жизни. СПб., 1898, стр. 49.

¹¹ См.: Ф. В. Бассин. Фрейдизм в свете современных научных дискуссий. Вопр. психол., 1958, №№ 5—6; Г. Уэллс. Павлов и Фрейд. М., 1959; Е. В. Шорохова. Фрейдизм. В кн.: Современная психология в капиталистических странах. М., 1963, и др.

¹² В вопросе об основных факторах возникновения буржуазной социальной психологии советские философы, социологи и психологи придерживаются разных точек зрения. См.: Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука, стр. 5—21.

¹³ Г. Лебон. Психология социализма. СПб., 1908, стр. 1.

Запада».¹⁴ Отметив определенную роль традиций, идей, чувств, иллюзий, политических и социальных институтов в жизни каждого народа, он пытался на этом основании утверждать, что историей народа руководят в гораздо большей степени умершие поколения, чем живущие. Лебон уловил некоторые признаки совместного поведения людей, податливость к внушению, импульсивность и изменчивость коллективного настроения, но, обьявив эти свойства раз и навсегда данными, он видел в «толпе» преобладание бессознательного элемента.¹⁵ Давая оценку книги Лебона «Психология народов и масс», известный русский психолог П. Каптерев писал: «С ловкостью и легкостью француза Лебон набросал несколько интересных соображений по интересному сюжету, но этим и ограничился». Основные же идеи Лебона о поведении толпы представлялись П. Каптереву «весьма сомнительными».¹⁶

Несколько иначе подходил к объяснению поведения людей другой видный французский социолог того времени Г. Тард, который в основу всех социальных явлений положил подражание. По его мнению, именно подражание объединяет людей в общество и придает фактам социальное значение. Так как в обществе всегда имеется несколько образцов для подражания, под которыми Тард понимал прежде всего великих людей, то исходящие от них подражательные лучи, скрещаясь, вступают в самые различные отношения. Они могут совпадать, и тогда получаются союзы идей, по могут и противодействовать друг другу. В этом случае в голове людей происходит борьба образов подражания, а когда выбор сделан, борьба происходит уже на социальной почве, она превращается в соперничество народов, социальных групп, партий. Так возникают войны, конкуренция, партийные, религиозные и научные споры.¹⁷

Тардовская теория объяснения социальной жизни, реакционная по своей сущности, сегодня выглядит несколько наивной, да и его современники относились к ней достаточно критически. Если бы теория Тарда была верна, замечал русский социолог и историк В. М. Хвостов, «то человечество давно превратилось бы в однородную массу, и в конце концов, подражать было бы нечему».¹⁸

В социологической концепции Н. К. Михайловского подражание и внушение играли роль механизма, посредством которого осуществлялись связи «героя» с «толпой». «Героем,— пояснял он,— мы будем называть человека, увлекающего своим примером

¹⁴ Г. Лебон. Психология народов и масс. СПб., 1896, стр. 155.

¹⁵ Там же, стр. 13, 29, 167.

¹⁶ Образование, 1896, № 9, стр. 57—58.

¹⁷ Г. Тард. 1) Социальные законы. СПб., 1901, стр. 14—17; 2) Личность и толпа. СПб., 1903, стр. 30—32.

¹⁸ В. М. Хвостов. Теория исторического процесса. М., 1919, стр. 284.

массу на хорошее или дурное, благородное или подлейшее, разумное или бессмысленное дело. Толпой будем называть массу, способную увлекаться примером, опять-таки высоко благородным, или низким, или нравственно безразличным». ¹⁹ Незрелость общественного сознания, затемнение общественной психологии предрассудками дали повод Н. К. Михайловскому говорить о господстве над массой «душевной заразы», «таинственной силы». ²⁰

Итальянский криминалист С. Сигеле в своих попытках понять поведение народной массы не поднялся выше утверждений о преступности толпы, о ее скрытом стремлении к жестокости. Мнение большинства для него в сущности есть мнение великих людей, поэтому деспотизм большинства обращается в деспотизм великих идей, когда последние созрели и их применение стало своевременным. ²¹

Если в конце XIX—начале XX в. предметом социальной психологии, как мы видели выше, было изучение психологии народов, масс, социальных слоев, толпы и т. д., то в последующие годы интересы буржуазных ученых сосредоточиваются на исследовании психологии малых групп, их структуры, при этом они опираются в своих работах как на старые теории общей и социальной психологии, так и на вновь созданные (труды Э. Богардуса, Г. Олпорта, Дж. Морено, К. Янга и др.). ²²

Для буржуазной социологии XX в. характерны психологизация всех сторон общественной жизни, стремление свести на нет роль социально-экономических отношений. Теория «социального поведения», виднейшими представителями которой являются Р. Макавайер, П. Сорокин, Т. Парсонс и др., отрицает влияние объективных условий на поведение людей независимо от их субъективных желаний. Представители современной буржуазной социологии пытаются убедить читателя, что социальные изменения вызываются в первую очередь социальной психологией, культурой, но только не изменениями способа производства. П. Сорокин видит непосредственную причину революции в ослаблении инстинктов большинства общества, в результате чего человеческое поведение начинает определяться только биологическими факторами. ²³ Как утверждает Росток, в основе развития человеческого общества лежат субъективные устремления, что же касается экономики и экономических интересов как мотивов

¹⁹ Н. К. Михайловский. Герои и толпа. Соч., т. 2, СПб., 1896, стр. 98.

²⁰ Там же, стр. 112.

²¹ С. Сигеле. Преступная толпа. СПб., 1893, стр. 22, 43, 116.

²² Подробно об этом см.: П. С. Мансуров. Современная буржуазная психология. М., 1962, стр. 132 и сл.; Е. С. Кузьмин. К вопросу о социальной психологии, стр. 142; В. Д. Парыгин. Социальная психология как наука, стр. 29—35.

²³ P. Sorokin. The Sociology of revolution. Philadelphia—London, 1925, pp. 367—372.

деятельности человека, то они, по его мнению, не имеют определяющего значения.²⁴ «Человеческая природа со свойственными ей импульсами страха, любопытства, приключения, нового опыта, драчливости, гнева, стадности, пола, общительности мало изменилась по сравнению с самой седой древностью», — пишет другой видный представитель современной буржуазной социологии, Огборн. Обуздать эту природу способна только цивилизация, которую он считает орудием борьбы против дезорганизации общества.²⁵

Многие представители современной буржуазной социологии видят в сотрудничестве психологии и истории новые возможности для объяснения поведения людей. В пропагандируемой ими концепции психосоциальных циклов историческое развитие общества рассматривается как процесс, альтернативно определяемый психологическими и социальными факторами.²⁶ Английский социолог Дж. Барбу считает, что для выяснения закономерности исторических событий историк должен обратиться прежде всего к изучению психической деятельности людей, в особенности коллективных эмоций. Именно глубокое расстройство, чувства неуверенности и протеста, вызванные у рабочих их отношениями с предпринимателями, утверждает Барбу, привели в XIX в. к массовому революционному движению.²⁷ С его точки зрения, опыт истории показал, что «ни индустриализация, ни внутренние противоречия в системе производства, ни даже классовая борьба не являются необходимыми условиями для развития коммунизма. Однако в основе всех коммунистических движений есть общий элемент — это широко распространенное недовольство и тревога среди членов общества».²⁸

Итак, буржуазная социальная психология, поставив своей задачей изучение психологии народов, масс, толпы, больших и малых групп людей, всем своим развитием доказала полную неспособность научно решить эту задачу, она оказалась не в состоянии выяснить правильное соотношение экономики, политики, идеологии и психологии, их роль в жизни общества. Антиисторический подход к проблемам общественной психологии, игнорирование ее классового характера, субъективизм и иррационализм в объяснении явлений коллективной, массовой психологии являются характерными чертами буржуазной социальной психологии.

²⁴ W. R o s t o w. The Stages of economic growth. Cambridge, 1960, pp. 148—149.

²⁵ W. O g b o r n. Social change with respect to culture and original nature. N. Y., 1950, p. 287.

²⁶ J. B a r b u. Problems of historical psychology. N. Y., 1960, pp. 14—15.

²⁷ Там же, стр. 47—48.

²⁸ J. B a r b u. Democracy and dictatorship. Their psychology and patterns of life. N. Y., 1956, p. 173.

Подлинно научное объяснение поведения и деятельности человека, социальных групп и классов дали основоположники марксизма. В 1843 г., т. е. еще до возникновения буржуазной социальной психологии, К. Маркс в одной из своих первых работ («К критике гегелевской философии права») писал, что человек не есть абстрактное существо: «Человек — это мир человека, государство, общество».²⁹ Г. В. Плеханов правильно отметил, что для К. Маркса проблема истории являлась в определенной степени психологической проблемой.³⁰

Марксизм впервые обосновал решающее значение социальной среды и в первую очередь материальных условий для формирования общественного сознания. «Над различными формами собственности, над социальными условиями существования, — писал К. Маркс, — возвышается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, образов мысли и мировоззрений. Весь класс творит и формирует все это на почве своих материальных условий и соответственных общественных отношений».³¹

Подчеркивая определяющую роль материального производства в образовании различных форм общественного сознания, основоположники марксизма отнюдь не считали экономику единственной активной силой в истории. Они видели задачу исследователя в том, чтобы выяснить те исторические факторы, которые отражаются в сознании людей в форме тех или иных чувств, мыслей, настроений, представлений и т. п. «Исследовать движущие причины, которые ясно или неясно, непосредственно или в идеологической, может быть, даже в фантастической форме отражаются в виде сознательных побуждений в головах действующих масс и их вождей, так называемых великих людей, — писал Энгельс, — это единственный путь, ведущий к познанию законов, господствующих в истории вообще и в ее отдельные периоды или в отдельных странах».³²

К. Маркс и Ф. Энгельс дали не только ключ к пониманию общественной психологии различных исторических эпох, но и блестящую психологическую характеристику классов, сословий и групп — пролетариата и буржуазии, феодалов и крестьян, торговцев и ремесленников и т. д. Они указали на основные психологические черты пролетариата — решительность, смелость, революционность, ненависть к эксплуататорам, чувство товарищества и коллективизма.³³ Рабочий только в союзе с товарищами начинает чувствовать силу, и этот психологический фактор придает пролетариату уверенность в своей окончательной победе.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 414.

³⁰ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. II, М., 1956, стр. 170—171.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 145.

³² Там же, т. 21, стр. 308.

³³ Там же, т. 2, стр. 357.

Маркс отмечал, что общественная сила рабочих не тождественна механической сумме сил отдельных рабочих, как не тождественна сила нападения эскадрона кавалерии или сила сопротивления полка пехоты сумме сил отдельных кавалеристов и пехотинцев.³⁴ Выражая тенденцию, заложенную в основе социального бытия рабочего класса, Маркс и Энгельс начертали на его знамени призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Основоположники марксизма неоднократно подчеркивали, что развитие капитализма, с одной стороны, окончательно превратило рабочих в придаток машин, лишив их последних остатков самостоятельности, с другой стороны, дало огромный толчок развитию их общественного сознания, заставило их думать и «добиваться положения, достойного человека».³⁵ Подходя к изучению психологии пролетариата исторически, они показывали незрелость сознания рабочих на первых этапах революционной борьбы. Характеризуя участие рабочих в венском восстании 1848 г., Ф. Энгельс писал в работе «Революция и контрреволюция в Германии»: «Рабочие, окруженные недоверием, безоружные, неорганизованные, едва выбившиеся из того духовного рабства, в котором их держал старый режим, едва пробудившиеся для того, чтобы еще не осознать а только инстинктом почувствовать свое общественное положение и целесообразную для них политику, могли проявлять себя лишь в шумных демонстрациях; нельзя было ожидать, чтобы они могли справиться со всеми трудностями момента».³⁶ Однако Маркс и Энгельс твердо верили в историческую миссию пролетариата, который в процессе своего развития освободится от иллюзий и предрассудков, осознает свою роль в обществе и станет полновластным хозяином своей судьбы.

Дальнейшее развитие материалистического понимания общественной психологии мы находим в трудах многих выдающихся марксистов. Большой вклад в разработку проблем марксистской социальной психологии сделал Г. В. Плеханов. Понимая под общественной психологией «преобладающее настроение чувств и умов в данном общественном классе данной страны и данного времени», он писал, что без ее внимательного изучения и понимания «невозможно материалистическое объяснение истории идеологий».³⁷ Историческая наука, подчеркивал Г. В. Плеханов, не может ограничиваться только экономической анатомией общества, она должна охватить всю совокупность явлений, прямо или косвенно обусловленных экономикой, до работы воображения включительно.³⁸ В своей работе «К психологии рабочего движения»

³⁴ Там же, т. 23, стр. 337.

³⁵ Там же, т. 2, стр. 245.

³⁶ Там же, т. 8, стр. 68—69.

³⁷ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. II, стр. 247.

³⁸ Там же, стр. 247—248.

Г. В. Плеханов анализирует особенности психологии пролетариата, показывает ее влияние на сознание отдельного рабочего.³⁹

Огромное значение изучению психологии, в первую очередь политических настроений классов и различных социальных групп, придавал В. И. Ленин. Рассматривая наличие передовой общественной психологии как одно из необходимых условий для победы революций, он писал в 1907 г., что «народ, не сознавший революционных задач, не может оказаться достаточно силен для победы в решительном бое над реакцией».⁴⁰ В. И. Ленин на протяжении всей своей жизни внимательно изучал психологию рабочего класса, постоянно боролся за внесение в нее революционной сознательности. Отмечая, что идеология пролетариата формируется на основе его положения в обществе, В. И. Ленин писал, что социал-демократы встречают в пролетариате «инстинктивное влечение к социализму», а это является необходимым условием для формулирования ясных классовых лозунгов.⁴¹

В своих работах В. И. Ленин показал всю сложность формирования революционного сознания рабочих в условиях отсталой России, дал характеристику основных этапов развития пролетарской психологии.⁴² Исключительно важной представляется мысль В. И. Ленина о том, что совместная работа сотен и тысяч рабочих сама собой приучает рабочих к совместному обсуждению своих нужд, к совместному действию, наглядно показывая одинаковость положения и интересов всей массы рабочих.⁴³

Для утверждения материалистического понимания общественной психологии много сделал видный итальянский марксист А. Лабриола. Выступая в 90-х годах XIX в. против отождествления исторического материализма с экономическим материализмом, он писал, что только любовь к парадоксам, к которым так охотно прибегают популяризаторы всяких новых теорий, могла зародить мысль о том, что для исторического исследования достаточно выявить лишь экономический момент, а все остальное сбросить на землю, как ненужную ношу.⁴⁴ А. Лабриола впервые ввел в марксистскую литературу термин «социальная психология», дав его материалистическое толкование. В статье «Исторический материализм» (1895) он отмечал, что «для перехода от экономического базиса к общей конфигурации исторического процесса необходима помощь того комплекса знаний, который можно назвать, за отсутствием другого термина, социальной психологией. Я не намекаю этим на фантастическую возможность существования социальной души или на идею мнимого коллектив-

³⁹ Там же, т. V, стр. 510—511.

⁴⁰ В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 15, стр. 59.

⁴¹ Там же, т. 11, стр. 386—387.

⁴² Там же, т. 2, стр. 83—110; т. 40, стр. 317—319.

⁴³ Там же, т. 2, стр. 91—92.

⁴⁴ А. Лабриола. Исторический материализм. Л., 1926, стр. 67.

ного духа. . . Нет, я говорю о вещах более скромных и прозаических, т. е. о конкретных и определенных умонастроениях, которые раскрывают перед нами — чем были в действительности римские плебеи определенной эпохи, флорентийские ремесленники того периода, когда вспыхнуло восстание чомпи, или французские крестьяне, когда среди них, по выражению Тэна, в 1789 году самопроизвольно зародилась анархия. . .».⁴⁵

Таким образом, основоположники марксизма и их последователи дали материалистическое объяснение общественной психологии, правильно определили ее роль в жизни общества. Рассматривая в своих работах психологию классов и социальных групп различных эпох и периодов, они показали блестящий пример того, как надо подходить к изучению общественной психологии.

Не останавливаясь подробно на развитии социальной психологии в СССР,⁴⁶ отметим, что первые попытки осветить вопросы общественной психологии с позиций марксизма, предпринятые у нас еще в 20-е годы, не были успешными. Сказалось влияние буржуазной социальной психологии, а также отсутствие в марксистской литературе разработанных приемов исследования этой сложной проблемы. Отсюда в концепции психолога К. Н. Корнилова марксистские положения уживались с идеями бихевиоризма.⁴⁷ Правовед М. А. Рейснер пытался соединить марксизм с фрейдизмом, хотя сам неоднократно отмечал, что для построения марксистской социальной психологии нельзя заимствовать буржуазные теории.⁴⁸ Журналист и литературный критик Л. Н. Войтоловский сочетал в «Очерках коллективной психологии» материалистическое толкование вопросов общественного сознания с принципами так называемой органической школы в психологии. Поэтому он не смог дать научного объяснения психологии масс и общественных движений, хотя в отдельных случаях Л. Н. Войтоловский правильно подметил характерные особенности психологии массовых движений (9 января 1905 г. в Петербурге, восстание в Севастополе в 1905 г. и др.), а также указал на сложность процесса формирования массового настроения.⁴⁹

Встретившиеся на пути развития советской социальной психологии трудности оказались в условиях культа личности непреодолимыми, существование этой важной в научном и полити-

⁴⁵ Там же, стр. 68.

⁴⁶ См. об этом подробно: Е. С. Кузьмин. Основная линия развития советской психологии. Вестн. ЛГУ, 1957, № 23, сер. экон., филос. и права, вып. 4; В. Д. Парыгин. Социальная психология как наука, стр. 45—54.

⁴⁷ К. Н. Корнилов. Психология и марксизм. В кн.: Психология и марксизм. Л., 1925.

⁴⁸ М. А. Рейснер. Проблемы социальной психологии. Ростов-на-Дону, 1925, стр. 138—139.

⁴⁹ Л. Н. Войтоловский. Очерки коллективной психологии. Ч. 1. Психология масс. М.—Л., 1924; ч. 2. Психология общественных движений. М.—Л., 1925.

ческом отношении дисциплины было поставлено под сомнение. Психология простых советских людей, подлинных строителей социализма, роль которых отнюдь не сводилась к функции «винтиков», в течение длительного времени почти не изучалась ни психологами, ни философами, ни социологами. Только после XX съезда КПСС были созданы все предпосылки для подлинно научной разработки марксистской социальной психологии.

Обратившись в последние годы к интенсивному изучению социальной психологии, советские философы, социологи, психологи достигли первых результатов в определении ее предмета, структуры и места среди других общественных наук, наметили основные теоретические проблемы.

Вопрос о предмете марксистской общественной психологии находится в центре внимания советских исследователей. Часть из них видит объект социальной психологии в изучении социально-исторических типов личности, другие — в выявлении психологических особенностей различных социальных групп, слоев и классов общества.⁵⁰ По мнению психолога В. Н. Колбановского, «главным звеном общественной психологии служит рассмотрение совместной психологической деятельности людей, которая связана с их практической коллективной деятельностью и в значительной мере влияет на формирование и развитие взаимоотношений индивидуумов в коллективе».⁵¹ Историк А. Я. Гуревич считает, что социальная психология должна заниматься, во-первых, изучением обусловленности психики индивида его принадлежностью к обществу, классу, группе и, во-вторых, исследованием групповых, общественных норм поведения, психологических реакций группы или массы людей.⁵² Наиболее полным и правильным представляется определение, данное Б. Д. Парыгиным, согласно которому предметом социальной психологии являются «как особенности групповой, коллективной и массовой психологии, проявляющиеся в совокупной деятельности людей, их совместном поведении, переживаниях и способах психологического общения друг с другом, так и особенности поведения и психического состояния индивида в группе, коллективе и массе».⁵³

С вопросом о предмете марксистской общественной психологии тесно связано выяснение основных элементов ее структуры. При анализе явлений социальной психологии советские исследователи разделяют их на три большие группы: первая — психический

⁵⁰ См. подробно: Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука, стр. 61—64.

⁵¹ В. Н. Колбановский. Некоторые актуальные проблемы общественной психологии. *Вопр. филос.*, 1963, № 12, стр. 17.

⁵² А. Я. Гуревич. Некоторые аспекты изучения социальной истории (общественно-историческая психология). *Вопр. истории*, 1964, № 10, стр. 51.

⁵³ Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука, стр. 64.

склад (нации, народности, класса, социальной группы и т. д.), включающий волевые качества, привычки, обычаи, традиции, устойчивые вкусы, нравы, склад характера; вторая — эмоциональные и интеллектуальные отражения экономических, производственных, бытовых, политических и природных условий в виде социальных потребностей, интересов, чувств, настроений, идеалов, чаяний; третья — явления социально-психологического общения людей в форме убеждения, внушения, подражания и т. д.⁵⁴

На каждой из этих групп следует остановиться более подробно. Проблемы психического склада наций относятся к числу наименее изученных проблем социальной психологии. Национальные особенности психики формируются в результате длительного исторического развития, в них отражается влияние географической среды, хотя определяющим фактором являются все же социальные условия, исторически сложившийся способ производства, материальная и духовная культура, общность языка, нравов и обычаев.⁵⁵ Основоположники марксизма, подчеркивая в первую очередь классовый характер психологии людей, не отрицали при этом значение национального характера, показывали как положительные, так и отрицательные его черты. Ф. Энгельс называл английский пролетариат «хранителем лучших сторон английского национального характера. . .».⁵⁶ Выяснить, какими путями идет складывание национальных особенностей психики, какова роль тех или иных исторических факторов в становлении национального характера, — чрезвычайно трудная задача, которую можно решить лишь совместными усилиями психологов, философов, социологов, этнографов, лингвистов, историков и других представителей общественных наук.

Огромный научный интерес представляет изучение природы и функций таких элементов психического склада, как традиции и привычки. Способность человеческого сознания сохранять установившиеся представления и образовывать привычки связана с действием не только социальных факторов, но и законов психологии.⁵⁷ Социальная функция традиций состоит в сохранении существующих порядков. Не случайно Ф. Энгельс характеризовал традицию как «великий тормоз», как «силу инерции в истории».⁵⁸ Отмечая роль традиций в историческом процессе, К. Маркс писал: «И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще

⁵⁴ См., например: А. И. Горячева. О некоторых категориях социальной психологии. В кн.: Проблемы общественной психологии. Ред. В. Н. Колбановский и Б. Ф. Поршнев. М., 1965, стр. 198.

⁵⁵ В. Н. Колбановский. В. И. Ленин и проблемы социальной психологии. Там же, стр. 80—81.

⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. прозв., М., 1948, стр. 105.

⁵⁷ Г. М. Гак. Учение об общественном сознании в свете теории познания. М., 1960, стр. 31.

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 318—319.

небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории». ⁵⁹ Однако социальная роль традиций не сводится только к сохранению существующего строя. Общеизвестна, например, революционная роль передовых традиций, которые наследуют из поколения в поколение борющиеся за свое освобождение пролетариат и крестьянство, велико также воспитательное значение традиций.

Большое научно-практическое значение имеет изучение таких элементов общественной психологии, как социальные потребности, интересы, настроения, чувства, идеалы, чаяния и т. д. Будучи, с одной стороны, отражением природных, экономических и политических условий, они, с другой стороны, сами выступают в качестве активной силы в жизни общества. Человеческие потребности оказывают глубокое влияние на развитие способа производства, на поведение людей. «Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того чтобы объяснять их из своих потребностей. . .», ⁶⁰ — писал Ф. Энгельс. Борьба за удовлетворение социальных потребностей народных масс лежит в основе всех классовых сражений. Неудовлетворенные потребности выступают как один из важнейших факторов социальной революции. По выражению Ф. Энгельса, революции являются «непреодолимым выражением нужд и потребностей народов — потребностей, доходивших до сознания с большей или меньшей ясностью, но ощущавшихся весьма отчетливо различными классами каждой страны. . .». ⁶¹ Осознание людьми своих потребностей происходит в форме социальных интересов и устремлений. Социальные потребности и интересы выступают, таким образом, как побудительная сила, доминанта поведения людей. «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, — писал В. И. Ленин, — пока они не научатся за лобными нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов». ⁶²

Социальные настроения представляют собой наиболее массовидное явление общественной психологии, они определяют духовное состояние общества в целом, отдельных классов, групп и коллективов. Не случайно В. И. Ленин так пристально изучал настроения широких народных масс, постоянно подчеркивал, что наличие прилива революционных настроений является необ-

⁵⁹ Там же, т. 8, стр. 119.

⁶⁰ Там же, т. 20, стр. 493.

⁶¹ Там же, т. 8, стр. 6.

⁶² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 47.

ходимым условием революционной ситуации. «Лозунг восстания, — писал он в 1905 г., — есть лозунг решения вопроса материальной силой, — а таковой в современной европейской культуре бывает лишь военная сила. Этот лозунг нельзя выставлять до тех пор, пока не назрели общие условия переворота, пока не проявились определенно возбуждение и готовность масс к действию, пока внешние обстоятельства не привели к явному кризису».⁶³ В трудах В. И. Ленина раскрываются динамика общественных настроений, причины их возникновения, устанавливаются важнейшие закономерности образования, изменения и развития настроений (подвижность, колебания, приливы, отливы и т. д.).⁶⁴

Определенные успехи в изучении общественного настроения достигнуты советскими исследователями Б. Д. Парыгиным и др.⁶⁵ Однако многие теоретические вопросы формирования общественных настроений нуждаются в дальнейшей разработке.

Весьма важной и вместе с тем малоизученной является проблема социально-психологического общения. Хорошо известно, что само общение людей в коллективе порождает эмоциональный подъем и уверенность в себе, но иногда человек может чувствовать себя в коллективе подавленным и одиноким — все зависит от того, какой это коллектив и какое отношение имеет к нему данный человек. Маркс писал в «Капитале», что «. . . при большинстве производительных работ уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии, увеличивающее индивидуальную производительность отдельных лиц. . .».⁶⁶

Взаимовлияние людей в процессе общения происходит главным образом путем сообщения. Профессор А. Г. Ковалев указывает на три вида сообщения — информацию, убеждение и внушение.⁶⁷ Если информация означает простую передачу определенных сведений от одного лица к другому как путем непосредственного контакта, так и через различные каналы массовых коммуникаций и не имеет часто целью направленное воздействие на психику человека, то убеждение предполагает, что передаваемая

⁶³ Там же, т. 11, стр. 367.

⁶⁴ См. подробно: Б. Д. Парыгин. В. И. Ленин об общественных настроениях. Вести. ЛГУ, 1959, № 17, сер. экон., филос. и права, вып. 3; Б. Д. Парыгин. В. И. Ленин о формировании настроений масс. Автореф. дисс. Л., 1961.

⁶⁵ Б. Д. Парыгин. 1) Общественное настроение как социологическая категория. Вести. ЛГУ, 1963, № 5, сер. экон., филос. и права, вып. 1; 2) Общественная психология как социальное явление. Научн. докл. высш. школы, Филос. науки, 1964, № 6; 3) Общественное настроение, его природа и динамика. В кн.: Проблемы общественной психологии; 4) Общественное настроение. М., 1966 и др.

⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 337.

⁶⁷ А. Г. Ковалев. Взаимовлияние людей в процессе общения и формирование общественной психологии. Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 254, 1964, стр. 11.

другому человеку информация не только им понята и осознана, но и разделяется. В этом случае, подчеркивает А. Г. Ковалев, «огромное значение имеет логическая структура убеждений, соотношение теоретических знаний с фактами действительности».⁶⁸ В отличие от убеждения внушение рассчитано на некритическое восприятие информации, которая передается одним лицом другому или группе лиц. Тем не менее внушение и влияние выдающейся личности, как правильно отмечается в нашей литературе, нельзя рассматривать только как приемы и методы идеологического воздействия, это сложный идеологический и социально-психологический процесс.⁶⁹ Внушение основано на некритическом восприятии информации, но оно одновременно связано с социальным опытом, с эмоциями социального контакта и влияния. В самом деле, массы идут не за любыми лозунгами, а лишь за теми, которые выражают их чаяния, стремления и заблуждения.

Помимо различных видов сообщения, социально-психологическое общение протекает в форме действия (пример, мода, поощрение, принуждение, наказание, порицание, запрещение и т. д.).

Все отмеченные выше способы влияния и взаимовлияния в процессе общения могут отражаться двояким образом: либо это критическое отношение к внешнему воздействию (скептицизм, негативизм, максимализм), либо доверчивое отношение (подражание, психическое заражение и др.).⁷⁰ В. И. Ленин указывал на силу примера в забастовочном движении, на нравственное, по его выражению, влияние стачек, когда по примеру одной фабрики прекращалась работа и на других предприятиях, на заразительное влияние забастовщиков на остальные слои рабочих.⁷¹

Отношение человека или группы людей к полученной информации во многом зависит от ее значимости для данного человека или группы. В том случае, когда ожидается какое-либо общественное событие, любое известие о его приближении или наступлении принимается за истинное, на этом нередко основаны явления энтузиазма, паники, страха. Человек становится более легковерным и принимает без рассуждения советы другого лица, если он хочет во что бы то ни стало найти выход из создавшегося положения.⁷²

Явления подражания и психического заражения необходимо всегда рассматривать исторически, ибо элементы подражания и подчинения масс во многом есть результат длительного господства эксплуататорского строя. Не требует пояснения, например, тот факт, что некритическое отношение к внешнему воздействию

⁶⁸ Там же, стр. 11—12.

⁶⁹ Б. Д. П а р ь г и н. Социальная психология как наука, стр. 139—140.

⁷⁰ Там же, стр. 143.

⁷¹ В. И. Л е н и н, Поли. собр. соч., т. 4, стр. 288—298.

⁷² А. Г. К о в а л е в. Взаимовлияние людей. . . , стр. 12—13.

больше характерно для ранних периодов истории, чем для сегодняшнего времени.

В свете рассмотренной в общих чертах структуры общественной психологии представляется действительно необходимым изучение комплекса проблем, намеченного советскими социальными психологами:⁷³

- 1) особенности проявления индивидуальной психологии в коллективе и массе людей;
- 2) формы психической общности и структурно-психологические особенности различных социальных групп;
- 3) способы общения и социально-психологического взаимовлияния индивидов внутри группы и группы между собой;
- 4) особенности механизма мотивации поведения индивида в группе и в коллективной деятельности членов различных групп;
- 5) сущность психологического механизма отражения социальной среды и ее воздействий членами различных социальных групп и массой людей;
- 6) закономерности группового и коллективного поведения;
- 7) законы динамики и формирования общественной психологии социальных групп, слоев и классов общества.

Названные выше проблемы чрезвычайно сложны, требуют всестороннего рассмотрения, и их разработкой должны заниматься все общественные науки, поскольку каждое социальное явление, изучаемое любой из этих наук, имеет свою социально-психологическую сторону. Обращая внимание на важность выявления психического содержания жизни общества, И. П. Павлов еще в начале XX столетия призывал естественные науки объединить усилия с искусством, литературой, философией и историей, «чтобы бросить луч света в этот мрак».⁷⁴

Пока у нас делаются только первые шаги. Однако уже сам факт обращения представителей различных гуманитарных наук к проблемам социальной психологии имеет важное значение для дальнейшего развития этих наук. В нашей литературе справедливо отмечается, что без изучения общественной психологии теперь уже невозможна научная история общественной мысли, философии, этики, искусства.⁷⁵

Развитие социальной психологии имеет большое значение для исторической науки, в которой вопросы общественной психологии относятся к числу наименее разработанных проблем. В силу целого ряда причин советские историки в течение длительного времени занимались главным образом изучением истории мате-

⁷³ Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука, стр. 65.

⁷⁴ И. П. Павлов. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных. 1904, стр. 40.

⁷⁵ Э. Х. Степанян. Развитие общественного сознания и взаимодействие его форм. В кн.: Взаимодействие форм общественного сознания. М., 1964, стр. 45.

риальной культуры и экономических отношений, проблем хотя и кардинальных, но еще недостаточных для полного понимания конкретно-исторической эпохи. Вопросы же общественно-политической и духовной жизни освещены в нашей литературе довольно бедно.⁷⁶ Нельзя не согласиться с мнением А. Я. Гуревича о том, что психология людей прошлого «изучена слабо и недостаточно; при этом делается упор на рассмотрение тех идей, которыми жило общество. Но эти идеи воздействовали не только, а подчас и не столько на разум человека, сколько на его чувства».⁷⁷

Сведение общественного сознания к одной лишь идеологии обедняет анализ духовного состояния общества любой исторической эпохи. К. Маркс и Ф. Энгельс постоянно указывали на сложность исторического процесса, на необходимость изучения не только деятельности людей, но и ее отражения в сознании людей, поскольку «. . . в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели».⁷⁸

Чтобы понять, почему люди в определенную историческую эпоху поступали так, а не иначе, еще недостаточно раскрыть экономические, политические и идеологические условия, в которых протекала их деятельность. Задача состоит в том, чтобы проследить, как эти факторы воздействуют на сознание людей в их повседневной жизни, как исторически развивается психология различных социальных групп, классов и общества в целом, как изменяется соотношение ее отдельных элементов. Объясняя исторические события, исследователь должен выяснить не только те причины, которые определили эти события в конечном итоге, но и самые непосредственные, воссоздать социально-психологический климат эпохи. Он должен посмотреть на изучаемые им события не только глазами бесстрастного летописца, но и активного участника. Народные массы — основной объект исследования историка — должны быть показаны как живые люди, действующие в повседневной обстановке, живущие будничными заботами, интересами, увлечениями, страстями, судьбами революции. Историк должен уловить те незаметные на первый взгляд факторы, которые определяют поведение людей в конкретно-исторической ситуации.

На состоявшемся в январе 1964 г. заседании Секции общественных наук Президиума Академии наук СССР, посвященном методологическим проблемам исторической науки, в докладе П. Н. Федосеева и Ю. П. Францева, в выступлениях В. Г. Тру-

⁷⁶ См. об этом: М. В. Нечкина, М. П. Ким, В. И. Ленин о роли народных масс в истории. История СССР, 1960, № 2, стр. 17.

⁷⁷ А. Я. Гуревич. Некоторые аспекты изучения социальной истории, стр. 59.

⁷⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 306.

хановского и Б. Ф. Поршнева было обращено внимание на необходимость изучения историками социальной психологии. В. Г. Трухановский, в частности, отмечал, что историки в своих работах часто игнорируют вопрос о моральном состоянии общества, как будто оно не играет никакой роли.⁷⁹

Было бы неправильно утверждать, что проблемы социальной психологии в исторических исследованиях совсем не затрагиваются. Ученые, занимающиеся изучением истории общественных и революционных движений, в той или иной мере касаются этих вопросов, но, как правило, они останавливаются только на отдельных элементах общественной психологии, причем на более подвижных и более легко улавливаемых, таких, как настроения, чувства, слухи. Формирование же общественной психологии в целом, взаимодействие ее отдельных элементов, роль экономики, политики и идеологии в определении духовного состояния общества и обратное влияние общественной психологии на характер исторических событий, а также многие другие проблемы остаются малоисследованными.

В качестве примера удачной работы можно назвать книгу Б. А. Романова «Люди и нравы древней Руси», основная цель которой, по словам ее автора, состояла в том, чтобы показать, как жили люди на Руси в XI—XIII вв. «и чем кто дышал, сообразно своей социальной принадлежности и тому капризу своей судьбы, какой удастся подметить в памятнике, если пристально в него всмотреться».⁸⁰ Если попытки восстановить социально-психологический климат эпохи возможны на основе изучения «Русской правды» и «Слова о полку Игореве», то для более позднего времени эта задача существенно облегчается. В книге Б. Ф. Поршнева «Феодализм и народные массы» рассматриваются формы отражения классовой борьбы в сознании народных масс, психология крестьянства в период феодализма (роль обычаев, традиций, верований, бунтарского духа, воздействие церкви и государства на психологию народных масс).⁸¹

В монографии А. Д. Люблинской «Франция в начале XVII века» показаны наиболее характерные черты психологии французской буржуазии, ремесленников, рабочих и крестьян в начале XVII в.⁸² А. Д. Люблинская подчеркивает такую особенность психологии народных масс, как преобладание роялистских иллюзий, которые «были настолько сильны, что не только в своей агитации, но и во

⁷⁹ История и социология. Сопределение Секции общественных наук Президиума АН СССР по вопросам методологии истории. М., 1964, стр. 135—136.

⁸⁰ Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси. Л., 1947, стр. 5.

⁸¹ Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М., 1964, стр. 309—317.

⁸² А. Д. Люблинская. Франция в начале XVII века (1610—1620 гг.). Л., 1959, стр. 84—102.

всех официальных актах грацды должны были выступать от имени короля, за короля и против дурных министров».⁸³

В исследовании В. И. Рутенбурга о народных движениях в городах Италии XIV—начала XV в. рассматривается психология восставших чомпи. Анализируя программу флорентийских чомпи, В. И. Рутенбург видит в ней отражение устремлений и методов поведения наемных рабочих, отмечает, что они не настаивали на ликвидации старых порядков, учреждений и законов, на полном уничтожении эксплуататоров и захвате власти, но хотели коренного улучшения своего материального и политического положения. Выдвинутое в программе требование отмены наказаний за совершенные ранее разграбления справедливо связывается с боязнью восставших наказания за прошлые действия.⁸⁴ В книге отмечается роль революционных традиций в движениях народных масс, указывается, в частности, на тот факт, что знамя восставших 40-х годов XIV в. воодушевляло борющихся чомпи и в 70-х годах XIV в.⁸⁵

Разработка проблем социальной психологии имеет особое значение при изучении истории революционных движений, которые, по выражению В. И. Ленина, тем и отличаются «... от обыкновенных, будничных, подготовительных исторических моментов, что настроение, возбуждение, убеждение масс должны проявляться и проявляются в действии».⁸⁶ В нежелании низов жить по-старому, в их экстраординарной активности В. И. Ленин видел один из важнейших признаков революционной ситуации.⁸⁷

Богатейшие возможности для выявления закономерностей формирования общественной психологии в переломные периоды истории дает изучение революционных событий в России в 1917 г. Величайший практик и теоретик революции В. И. Ленин в период подготовки Октябрьской революции постоянно интересовался политическими настроениями трудящихся масс и, учитывая их, боролся с присущей ему энергией за перелом общественного настроения. В устных и печатных выступлениях В. И. Ленина в 1917 г. содержится характеристика психологии различных социальных групп, определены основные факторы ее формирования, показаны пути преодоления мелкобуржуазного влияния на пролетариат, намечена тактика большевиков в борьбе за массы и т. д. Все эти ленинские идеи чрезвычайно важны для понимания общественной психологии в России в 1917 г.

Советские историки достигли больших успехов в изучении роли народных масс в победе Октябрьской революции, в показе

⁸³ Там же, стр. 180—181.

⁸⁴ В. И. Р у т е н б у р г. Народные движения в городах Италии XIV—начала XV века. М.—Л., 1958, стр. 174—175.

⁸⁵ Там же, стр. 155.

⁸⁶ В. И. Л е н и н, Полн. собр. соч., т. 11, стр. 58.

⁸⁷ Там же, т. 26, стр. 218, 379.

процесса их революционного перевоспитания. Политические настроения трудящихся России в 1917 г. рассматриваются в той или иной степени почти в каждой работе по истории Октябрьской революции. Не имея никакой возможности остановиться на их сколько-нибудь подробной характеристике, отметим недавно опубликованную книгу О. Н. Знаменского об июльском кризисе 1917 г., в которой исследуется настроение и поведение различных социальных групп и классов в июльские дни,⁸⁸ книгу З. В. Степанова о петроградских рабочих в 1917 г., в которой показаны революционное влияние петроградских рабочих на солдат и крестьян, перелом в настроении масс Петрограда в августе 1917 г., и др.⁸⁹

Однако настроения рабочих, солдат, крестьян, буржуазии и т. д. в 1917 г. рассматриваются в нашей литературе, как правило, в связи с другими проблемами, они не стали еще предметом специального исследования. При изучении настроений народных масс в 1917 г. не раскрываются закономерности и механизмы их формирования, причины преобладания тех или иных настроений, недостаточно показывается, как различные политические партии учитывали общественные настроения в своей агитационно-пропагандистской деятельности. Определяя в период революции психологию общества, политические настроения вместе с тем еще не дают возможности судить о всей сложности психологического состояния общества. Поэтому изучение всех элементов (революционных, консервативных, обывательских) психологии различных классов и групп позволит воссоздать более полную картину социально-психологической жизни в России в 1917 г.

Не изучая общественной психологии в целом, взаимодействия различных ее элементов нельзя получить полное представление о том переломе в сознании рабочих, солдат и крестьян, который происходил в России в 1917 г. Осмысление массами политических событий, восприятие ими новых идей и лозунгов происходило в процессе повседневной будничной жизни, в борьбе со старыми представлениями, обычаями и традициями. Умонастроение народа, активность и энергия различных социальных классов, групп, политических партий и их лидеров во многом определяли направление развития революции. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы проследить, как в условиях России 1917 г. экономические, политические и идеологические факторы воздействовали на формирование психологии трудящихся и как последняя оказывала влияние на характер тех или иных исторических событий, политику различных классов, групп и партий в период подго-

⁸⁸ О. Н. Знаменский. Июльский кризис 1917 года. М.—Л., 1964.

⁸⁹ З. В. Степанов. Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. М.—Л., 1965.

товки Октябрьской социалистической революции, как жили, о чем думали и к чему стремились простые люди в этот героический период.

Большой научный интерес представляет рассмотрение в психологическом аспекте борьбы трудящихся России в 1917 г. за удовлетворение социальных потребностей и интересов (осуществление рабочими явочным порядком 8-часового рабочего дня, захват крестьянами помещичьих земель и т. д.). Февральская революция не разрешила основных требований народных масс, и это стало важнейшей предпосылкой дальнейшего развития революции. «. . . никакая свобода, — писал В. И. Ленин в марте 1917 г., — не удовлетворит массы, терпящие голод от недостатка припасов, от дурного распределения их, а главное от захвата их помещиками и капиталистами».⁹⁰

Продолжающееся ухудшение материального положения трудящихся, экономическая политика Временного правительства, стоявшего на страже интересов буржуазии, подводили массы к сознанию необходимости социалистической революции как единственного выхода из создавшегося положения.

Весьма важно также показать влияние волевых качеств, привычек, обычаев, традиций различных социальных классов и групп на развитие революционных событий в России в 1917 г. Как и почему массы окончательно утратили веру в старый государственный строй, насколько сильны были элементы царистской психологии в сознании народа, какова была роль революционных традиций, особенно традиций революции 1905—1907 гг., в победе Февральской революции, как повлияло свержение самодержавия и уничтожение старых институтов власти на умонастроение народных масс, как происходила ломка прежних представлений в религии, морали, быту — все эти вопросы нельзя обойти при анализе духовного состояния классов и групп в России в 1917 г.

Необходимо выяснить, как политическая жизнь России в 1917 г. воздействовала на взгляды, убеждения, иллюзии, переживания и настроения людей, показать, как массы приобщались к политической деятельности, как изменялось соотношение элементов стихийности и сознательности в их психологии и поведении. При исследовании процесса революционного перевоспитания масс в период подготовки Октябрьской революции важно проанализировать отношение рабочих, солдат и крестьян к Временному правительству, к империалистической войне на различных этапах развития революции. Неискушенные в политике массы в первое время видели во Временном правительстве новую власть, которая поддерживалась к тому же авторитетом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, что, безусловно, оказывало определенное психологическое воздействие на решение

⁹⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 4.

местных рабочих и крестьянских организаций, союзов, предприятий и учреждений о поддержке Временного правительства. Не случайно В. И. Ленин подчеркивал в апреле 1917 г., что в условиях бессознательно-доверчивого отношения масс к Временному правительству его нельзя свергнуть обычным способом.⁹¹ «Только при осведомлении самых широких масс населения и организации их, — отмечал В. И. Ленин, — обеспечена полная победа следующего этапа революции и завоевание власти рабочим правительством».⁹² Постепенное изжитие массами иллюзий положило конец политике обмана, которую проводили Временное правительство и мелкобуржуазные соглашательские партии.

В связи с этим встает еще одна важная проблема — роль политических партий в формировании общественной психологии, методы, средства и способы воздействия на сознание различных социальных классов и групп России в 1917 г. Огромное значение в революционном воспитании масс имела деятельность большевистской партии, которая, выражая самые насущные требования трудящихся, указывала пути к их достижению, порождала в рабочих уверенность в своих силах, в окончательной победе над буржуазией. Но большевики не только направляли деятельность масс, но и постоянно учились у них, обогащая тем самым свою теорию и практику. Как отмечал В. И. Ленин, революция гораздо богаче содержанием, чем воображают «. . . самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов. Это и понятно, ибо самые лучшие авангарды выражают сознание, волю, страсть, фантазию десятков тысяч, а революцию осуществляют, в моменты особого подъема и напряжения всех человеческих способностей, сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов».⁹³

Почти не исследованной остается проблема социально-психологического общения и взаимовлияния различных классов, групп и коллективов в период Октябрьской революции. При рассмотрении таких массовых движений, как апрельский, июньский и июльский кризисы, борьба с корниловщиной и др., исследователи обращают внимание главным образом на их политическую и идеологическую стороны. Социально-психологический характер этих движений, закономерности и особенности поведения масс изучены еще недостаточно. Историк должен не только констатировать сдвиги в настроениях масс в период массовых движений, но и раскрыть роль в формировании общественной психологии таких факторов, как демонстрации, митинги, собрания и т. д. Он должен показать многоплановость психологического взаимовлияния классов и групп, учесть роль таких факторов,

⁹¹ Там же, стр. 147.

⁹² Там же, стр. 5.

⁹³ Там же, т. 41, стр. 80—81.

как численность, состав, степень организованности, солидарности того или иного класса и группы, территориальное размещение и т. д.

Сила психологического влияния пролетариата России на другие классы и группы в 1917 г. объяснялась его широчайшей революционной практикой, постоянно расширявшимся общественным кругозором, организованностью, коллективизмом, сплоченностью и т. д. Постоянное общение петроградских рабочих с солдатами гарнизона, например, оказало огромное влияние на настроение солдатских масс Петрограда, которые вместе с рабочими стали активными участниками Октябрьского вооруженного восстания. Вместе с тем нельзя не учитывать, что пролетариат России составлял в 1917 г. еще небольшую часть населения страны, и потому он не мог не испытывать на себе влияние других слоев населения. «Гигантская мелкобуржуазная волна, — писал В. И. Ленин в апреле 1917 г., — захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т. е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику».⁹⁴ Наиболее ярким проявлением мелкобуржуазного влияния на рабочих в первые месяцы после Февральской революции В. И. Ленин называл революционное оборончество.⁹⁵

Таковы некоторые из основных вопросов социально-психологического аспекта изучения истории Октябрьской социалистической революции.

Разработка проблем общественной психологии в период Октябрьской революции имеет важное значение для борьбы с реакционной буржуазной историографией, которая и поныне продолжает объяснять успех революции в России в 1917 г. насилием народной воли, пробуждением темных инстинктов толпы, массовой стадностью и дикостью, сумасшествием народа в результате войны и голода, бессознательным чувством общности и другими «врожденными мистическими чертами» русского народа.

Возникновение псевдонаучного психологического направления в зарубежной буржуазной историографии Октябрьской революции во многом связано с именем русского социолога — белоэмигранта П. А. Сорокина, который в книге «Социология революции», опубликованной в 1925 г., задался целью дать психологический анализ революции в России в 1917 г.

Одну из главных причин революции Сорокин видит в «примитивизме психологической жизни революционного общества», которое в определенные периоды «вдруг забывает все свои традиции, представления, идеи и порывает с прошлым».⁹⁶ Рефлексы подчи-

⁹⁴ Там же, т. 31, стр. 156.

⁹⁵ Там же, стр. 159.

⁹⁶ P. A. Sorokin. The Sociology of revolution, p. 179.

нения, рассуждает Сорокин, в период революции постепенно угасают, как, например, случилось в России накануне Февральской революции. Что же касается самой Февральской революции, то она, по Сорокину представляет собой не что иное, как «разрушение рефлексов повиновения авторитету императора».⁹⁷ Революционное население, продолжает далее Сорокин, никогда не способно осмыслить и правильно понять происходящие события. «Иллюзии кажутся ему реальностями. Оно начинает жить не в реальном мире, а в фантастическом царстве».⁹⁸ Характерной чертой психологии народа Сорокин считает желание жить за счет других, в результате чего наступают резкое уменьшение трудовой способности революционного общества, разрушение экономической жизни, пауперизм и голод. В подтверждение этого насквозь лживого тезиса он ссылается на введение в России в 1917 г. явочным порядком 8-часового рабочего дня.⁹⁹

В концепции П. А. Сорокина отчетливо прослеживается влияние идей об иррациональности психологии общества, выдвинутых, как мы видели выше, буржуазной социальной психологией еще в XIX в. Это иррационалистическое, по Сорокину, начало в общественной психологии он приводит в качестве универсальной причины революции в России в 1917 г.

Еще менее оригинальны взгляды современных буржуазных социологов и историков, пытающихся объяснить победу Октябрьской революции незрелостью общественного сознания в России в 1917 г. Профессор социологии Бруклинского колледжа Ф. Гросс пишет, что большевики, воспользовавшись растущим недовольством и усталостью масс, захватили власть, сами же массы были в целом «пассивными и сбитыми с толку».¹⁰⁰ Причина бурных революционных событий в России после Февральской революции, по мнению другого американского профессора, Т. Лауэ, заключалась в предоставлении народу демократических свобод, вследствие чего в русском обществе «произошел раскол, воцарилось насилие, и Временное правительство пало».¹⁰¹ Как отмечают составители американской публикации документов о Временном правительстве Р. П. Браудер и А. Ф. Керенский, негодование и радикальные настроения рабочих «представляли собой взрывчатые силы, которые невозможно было легко и быстро утихомирить, особенно в стремительной обстановке революции и неожиданной свободы».¹⁰² Итак, преобладание анархических и стихий-

⁹⁷ Там же, стр. 119—121.

⁹⁸ Там же, стр. 184.

⁹⁹ Там же, стр. 103—104.

¹⁰⁰ F. G r o s s. The Seizure of power. N. Y., 1958, p. 188.

¹⁰¹ T. L a u e. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of russian revolution. 1900—1930. N. Y., 1964, p. 125.

¹⁰² The Russian Provisional Government. 1917. Documents. V. II. Stanford, California, 1961, p. 482.

ных элементов в психологии народных масс в России — вот что во многом определило, по мнению реакционных буржуазных ученых, победу Октябрьской революции в России.

Особое место в зарубежной литературе по истории Октябрьской революции всегда занимали революционные события в Петрограде, борьба большевиков за подготовку и проведение Октябрьского вооруженного восстания. Объясняя этот исключительный интерес, составитель американской хрестоматии по истории русской революции Р. Макнил пишет: «Важной характеристикой борьбы за политическое господство в России была географическая концентрация революции. В целом правильно думать, что контроль над столицей мог привести к господству над остальной частью империи. Эта концентрация имела громадное воздействие на роль различных классов в борьбе, так как в Петрограде находилась значительная часть рабочего класса — социальной группы, за которую боролись большевики».¹⁰³

В самом деле, Петроград сыграл громадную роль в победе Октябрьской революции. «Петербург — географический, политический, революционный центр всей России, — говорил В. И. Ленин в мае 1917 г. — За жизнью Петербурга следит вся Россия. Всякий шаг Петербурга является руководящим примером для всей России».¹⁰⁴ Петроградский пролетариат был одним из самых передовых отрядов рабочего класса России. К началу 1917 г. численность рабочих Петрограда достигала около 400 тыс. человек,¹⁰⁵ более 80% всех рабочих трудилось на предприятиях с числом рабочих свыше 500.¹⁰⁶ Во главе наиболее передовых слоев петроградского пролетариата шли большевики. Наблюдавший Петроград в 1917 г. прогрессивный американский публицист Альберт Рис Вильямс отмечает: «Влияние этого бастиона неотразимо. Петроград был подобен огромной домне революции, в которой перегорает всякое равнодушие и косность».¹⁰⁷ По столице России представляла собой в 1917 г. и крупный очаг контрреволюции: здесь сосредоточивались виднейшие русские финансисты, промышленники, крупные предпринимательские организации, военщина, чиновники и т. д. Поэтому борьба сил революции и реакции носила в Петрограде такой ожесточенный и открытый характер.

Однако вместо конкретно-исторического анализа этой борьбы представители реакционной буржуазной историографии предпочи-

¹⁰³ R. McNeal. The Russian revolution. Why did bolsheviks win? N. Y., 1959, p. 4.

¹⁰⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 32, стр. 225.

¹⁰⁵ З. В. Степанов. Рабочие Петрограда. . . , стр. 29.

¹⁰⁶ Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. Пгр., 1922, стр. 40, 50.

¹⁰⁷ Альберт Рис Вильямс. О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960, стр. 108.

тают развиваться в различных вариантах старый тезис об узурпаторах большевиках, обманувших незрелые в политическом отношении трудящиеся массы. Профессор русской истории Лондонского университета Г. Сетон-Уотсон прямо заявляет, что ленинский план захвата власти был рассчитан на сотрудничество политически подготовленной и хорошо организованной партии большевиков и невежественных и доверчивых масс.¹⁰⁸ Американский историк С. Пейдж видит весь корень зла в том, что «массы Петрограда не доверяли Временному правительству с самого начала и благодаря влиянию большевиков их недоверие оставалось и постоянно росло даже после того, как в правительство вошли социалисты».¹⁰⁹ Одна из главных причин социальной дезорганизации в Петрограде в 1917 г., настаивает Ф. Гросс, заключалась в радикализме и агрессивности столичных рабочих, поощряемых и руководимых большевиками.¹¹⁰

Это стремление буржуазной историографии противопоставить трудящиеся массы Петрограда большевикам отчетливо заметно в освещении ею каждого поворотного этапа в развитии революции, начиная от Апрельских тезисов В. И. Ленина и кончая Октябрьским вооруженным восстанием.

Будучи не в силах отрицать, что выдвинутая В. И. Лениным в апреле 1917 г. программа дальнейшего развития революции нашла широкую поддержку рабочих и солдат, буржуазные историки дают этому свое объяснение. Для Г. Сетона-Уотсона ленинские требования прекращения войны, передачи всей власти Советам и др. — не более чем демагогия, к которой прибегли большевики для завоевания власти.¹¹¹ По словам С. Пейджа, ленинские тезисы были для «возбудимых и нетерпеливых масс мешаниной идей», но они были восприняты положительно, так как содержали призыв к непосредственному действию.¹¹² Профессор Гарвардского университета А. Алэм видит в Апрельских тезисах отождествление революционного марксизма с анархизмом.¹¹³

Особенно показательным в этом отношении является освещение буржуазной историографией июльских событий в Петрограде. Т. Лауэ, отмечая, что в июле 1917 г. рабочие и солдаты Петрограда имели причины быть недовольными, тем не менее называет июльское выступление «безрассудным взрывом».¹¹⁴ Для американского историка Д. Тредголда «беспорядки и насилие» в Петрограде 3—4 июля есть результат сдерживаемого до поры до времени нетерпения

¹⁰⁸ H. Seton-Watson. The Pattern of communist revolution. N. Y., 1960, p. 30.

¹⁰⁹ S. Page. Lenin and world revolution. N. Y., 1959, p. 49.

¹¹⁰ F. Gross. The seizure of power, p. 226.

¹¹¹ H. Seton-Watson. The Pattern of communist revolution, pp. 30—34.

¹¹² S. Page. Lenin and World revolution, p. 39.

¹¹³ A. Ulam. The Unfinished revolution. N. Y., 1960, p. 190.

¹¹⁴ T. Laue. Why Lenin? Why Stalin? pp. 124—125.

«петроградской толпы», которое разрядилось после неудачи наступления на фронте.¹¹⁵ Как пишет английский историк Д. Футман, в июльские дни в Петрограде был такой момент, когда казалось, что Временное правительство будет сметено толпой матросов, солдат и вооруженных рабочих во главе с большевистской партией. Но затем наступил отлив, так как выяснилось, что большинство воинских частей еще не хотели свергать Временное правительство, а рабочие устали демонстрировать и разошлись по домам.¹¹⁶

Вряд ли нужно доказывать, что подобное вторжение буржуазных историков и социологов в область исследований общественной психологии в России в 1917 г., основанное главным образом на субъективной и тенденциозной оценке лишь некоторых фактов и явлений, а иногда и просто на произвольных «аксиоматичных» утверждениях, не имеет ничего общего с научным изучением проблемы. Между тем даже многие представители буржуазной социальной психологии признают, что только обращение к историческим источникам позволит составить более или менее правильное представление о духовном состоянии исторической эпохи. По мнению известного французского психолога И. Мейерсона, «изобилие исторических фактов должно дать возможность улавливать действительность вместо того, чтобы конструировать некое ее подобие.»¹¹⁷

Если социолог в своем исследовании обращается не только к анализу статистических данных, документов официального и личного происхождения, но и к социальному эксперименту, моделированию, устным и письменным опросам, внешнему и внутреннему наблюдению и т. д.,¹¹⁸ то историку при рассмотрении общественной психологии того или иного периода приходится иметь дело только с теми источниками, которые оставила интересующая его эпоха.

В каждом историческом источнике, будь то предметы материальной культуры, памятники письменности, идеологии, нравов, обычаев, языка, искусства, религии, мифологии и т. п., запечатлено в объективной форме материальное и духовное творчество людей прошлого. Задача историка состоит в том, чтобы, изучая источники в совокупности, в многократном сравнении данных, отличающихся характером происхождения и степенью обобщенности, обнаружить в них проявление различных элементов обще-

¹¹⁵ D. Treadgold. Twentieth century Russia. Chicago, 1959, pp. 139—140.

¹¹⁶ D. Footman. The Russian revolution. London, 1962, p. 66.

¹¹⁷ О. М. Тутунджян. Прогрессивные тенденции в исторической психологии Иньеса Мейерсона. Вопр. психол., 1963, № 3, стр. 119.

¹¹⁸ Г. В. Осипов, Ю. И. Козырев, В. В. Колбановский, М. С. Айвазян. Социология и социальные исследования. В кн.: Социальные исследования. М., 1965, стр. 34.

ственной психологии — представлений, традиций, привычек, настроений, интересов, потребностей и т. д.

Основным источником для изучения общественного сознания исторической эпохи являются письменные источники. Строго говоря, все они — законодательные памятники, делопроизводительные документы, статистические данные, периодическая печать, письма, дневники, мемуары, художественная литература и др. — в определенной степени отражают духовное состояние общества. Занимаясь на основе исследования этих источников изучением общественной психологии, историк, как и во всех других случаях, должен выяснить условия и характер происхождения источника, его политическую направленность и классовую сущность, решить вопрос о его репрезентативности и правомерности использования его данных для установления какой-либо тенденции или закономерности.

Чтобы получить, например, представление о психологии революционных масс Петрограда в 1917 г., исследователь обязан рассмотреть возможно более широкий круг источников, исходящих от различных классов и партий, в первую очередь такие, как протоколы и резолюции общих собраний фабрик, заводов и воинских частей, документы правительственных учреждений, письма, дневники и воспоминания рабочих, солдат, представителей интеллигенции, документы политических партий и их лидеров, периодическая печать и др.

Выше уже отмечалось значение письменных и устных выступлений В. И. Ленина и других руководителей большевистской партии в 1917 г. для изучения психологии рабочих и солдат Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции. В протоколах Шестого съезда РСДРП(б), Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) и петроградских общегородских конференций большевиков, в протоколах ЦК РСДРП(б), в переписке Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями, протоколах ПК РСДРП(б) и других документах большевистской партии содержатся ценные сведения для изучения психологии революционных масс Петрограда в 1917 г., дается оценка настроений различных социальных групп в период политических кризисов, рассматривается тактика большевиков в борьбе за перелом общественного настроения, показано огромное революционизирующее влияние петроградских рабочих на другие слои населения.

Ценным источником для изучения психологии революционных масс Петрограда в 1917 г. служат листовки большевистских организаций.¹¹⁹ Чтобы оказать воздействие на массы в нужном направлении, эти листовки должны были учитывать основные

¹¹⁹ Листовки петроградских большевиков. 1917—1920. Т. 3. Л., 1957.

черты психологии класса, группы, коллектива, к которым они были обращены. Анализ большевистских листовок, выразивших в самой доходчивой форме коренные интересы и чаяния трудящихся, дает возможность проследить, как сложно и мучительно проходил процесс изживания массами иллюзий по основным проблемам революции, как большевики, учитывая общественное настроение, боролись за его перелом.

Большой интерес для анализа настроений рабочих и солдат, для выявления роли агитации и пропаганды на их революционное воспитание представляют журналы учета проведенных большевиками митингов, лекций и докладов на заводах, фабриках и в воинских частях Петрограда.¹²⁰ В них отражены сведения не только о количестве и тематике проведенных большевиками митингов, лекций и докладов, но и об отношении масс к большевистским лозунгам на разных этапах развития революции, о поведении рабочих и солдат на этих митингах и собраниях. Так, из отчета о докладе по текущему моменту, с которым выступил А. И. Слуцкий 5 августа 1917 г. в Рождественском трампарке, видно, что настроение присутствовавших на докладе было сначала колеблющимся, но по окончании доклада большевистская резолюция была принята единогласно.¹²¹ 13 августа на Обуховском заводе выступили Г. К. Орджоникидзе и В. Володарский с докладом о Московском государственном совещании, о котором в журнале была сделана следующая запись: «Очень успешно. Несомненный перелом настроения в нашу пользу».¹²² Между тем еще в июле в журнале заказов на ораторов от большевистской партии мы читаем: «Обуховский завод. Митинг всех партий до кадетов включительно. Просят посильней, так как не дают говорить».¹²³ Сводки состоявшихся митингов, лекций и докладов отражают перелом в настроении трудящихся Петрограда накануне вооруженного восстания. «Большинство в последнее время переходит к нам. Настроение за нас. Оборонцы молчат»,¹²⁴ — такая запись сделана в журнале после митинга на Трубочном заводе 19 сентября 1917 г.

Богатейший материал для изучения психологии революционных масс Петрограда дают документы массовых рабочих и солдатских организаций, их выборных органов. Принимаемые на общих собраниях и митингах резолюции вырабатывались при активном участии масс и горячо ими обсуждались, в них отражались интересы, настроения, убеждения и иллюзии масс, чем в значительной мере пользовались эсеро-меньшевистские лидеры. Однако

¹²⁰ ЛНА, ф. 1, оп. 1, дд. 20—23.

¹²¹ Там же, д. 21, лл. 18—19.

¹²² Там же, лл. 26—27.

¹²³ Там же, лл. 13—14.

¹²⁴ Там же, д. 22, лл. 32—33.

классовое чутье брало верх, и массы освобождались от заблуждений, в конечном счете принимали решения, выражавшие их коренные интересы.

Анализ протоколов и резолюций общих собраний и митингов заводов, фабрик и воинских частей в 1917 г. показывает невиданную до этого времени тягу трудящихся масс к политической жизни, их горячую заинтересованность в дальнейшем развитии революции, рост классовой солидарности. Даже самые отсталые элементы петроградских трудящихся поднимали голос в защиту революции. В резолюции общего собрания домашней прислуги отмечалось: «Хотя мы и слабо разбираемся в новых для нас словах: буржуи, кадеты, социалисты, демократы, но зато сама жизнь отпечатала в нас неизгладимую заповедь, смысл которой таков: „Богатые капиталисты — наши всегдашние враги, а угнетенные рабочие — нам всегда братья и друзья“. Мы будем всегда с ними и за ними последуем. . .».¹²⁵

Документы массовых рабочих и солдатских организаций позволяют рассмотреть сложный процесс изживания массами оборонческих и других мелкобуржуазных настроений, коренной перелом в сознании трудящихся после открытого выступления контрреволюции в августе, усиление большевистского влияния на массы. Чрезвычайно показательны также и лозунги, с которыми выступали рабочие и солдаты в демонстрациях и манифестациях 1917 г. Эти лозунги, если не вырабатывались, то, как правило, обсуждались на общих собраниях. Например, накануне демонстрации 18 июня на объединенном заседании представителей запасного батальона Литовского полка были рассмотрены лозунги, с которыми батальон должен был выступить в демонстрации («Да здравствует мир всего мира», «Полное доверие Советам рабочих и солдатских депутатов», «Да здравствует Учредительное собрание», «Да здравствует порядок, законность и свобода» и др.). На заседании было принято решение, что «в манифестации принимают участие все желающие и присоединяются к лозунгам по желанию». Предложенные плакаты-лозунги были одобрены и приняты всеми ротами и командами батальона, за исключением четвертой роты эвакуированных,¹²⁶ которая вынесла на обсуждение новый лозунг, — «Долой 10 министров-капиталистов!». Однако другие роты отказались принять этот лозунг, в связи с чем четвертая рота заявила, что не выйдет без упомянутого лозунга на демонстрацию. На заседании батальонного комитета было постановлено удовлетворить желание четвертой роты, так как «каждая рота или команда может высказывать свои взгляды и убеждения».¹²⁷

¹²⁵ Рабочий и солдат, 1 августа 1917.

¹²⁶ Так назывались солдаты-фронтовики, получившие ранения и после излечения направленные в запасные части.

¹²⁷ ЛГАОРСС, ф. 6276, оп. 269, д. 126, лл. 197—200.

Определенный интерес для изучения общественной психологии в России в 1917 г. представляют документы правительственных учреждений, контрреволюционных буржуазных и военных организаций, фабрично-заводской администрации и др. Безусловно, содержащаяся в них оценка революционной деятельности трудящихся отличается крайней тенденциозностью. Так, в докладе Совету Московского совещания общественных деятелей прямо утверждается, что «в образовавшемся хаосе идей, программ и обещаний устойчиво лишь то «пугачевское» настроение, которое составляет в настоящее время общую духовную основу народной жизни, — настроение, не заключающее в себе никаких положительных, ни культурных, ни государственных элементов».¹²⁸ Тем не менее такие документы, как материалы Петроградского охранного отделения о положении в Петрограде перед Февральской революцией, полицейские сводки сведений «О ходе рабочих беспорядков» в феврале 1917 г., материалы созданной Временным правительством Особой следственной комиссии для расследования июльских событий в Петрограде, донесения политического отделения штаба Петроградского военного округа о моральном состоянии гарнизона накануне Октябрьского вооруженного восстания и др., дают богатый фактический материал о настроениях и поведении рабочих и солдат Петрограда в 1917 г.

Официальные документы Временного правительства дают представление о том арсенале средств идеологической обработки трудящихся, к которым оно прибегало в своей политике. Устами П. Н. Милюкова Временное правительство лицемерно заявило о необходимости «преобразовать старую систему управления массой». «Политика, — говорил П. Н. Милюков в одном из своих выступлений, — это стремление руководить сознанием масс. Сущность политики — то же точное знание человеческой природы, точнее говоря, знание законов коллективной психики. Но только в разное время истории применение политики различно в зависимости от изменяющегося соотношения между подсознательными и сознательными элементами психики. Когда масса темна и не может в политике разобраться, тем самым она способствует безнаказанной деятельности правителей. Таковой была политика старого порядка».¹²⁹ Крах Временного правительства, не желавшего считаться с интересами и настроениями рабочих, крестьян и солдат, свидетельствовал о том, что эта «масса» достаточно разбиралась в политике и уже не хотела мириться с безнаказанной деятельностью представителей буржуазии.

¹²⁸ ЦГАОР, ф. 3529, оп. 1, д. 31, л. 1.

¹²⁹ См.: Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук. Речи и приветствия, произнесенные на трех публичных собраниях, состоявшихся в 1917 г. 9 и 16 апреля в Петрограде и 11 мая в Москве. Пгр., 1917, стр. 70.

Весьма ценным источником для анализа общественной психологии в России в 1917 г. служат письма, которые огромным потоком поступали в Исполком Петроградского Совета и ВЦИК, в редакции «Известий», «Правды» и других газет от революционно настроенных рабочих, крестьян, солдат, интеллигенции, обывателей и даже служителей культа. Они дают представление о том, чем жили и как мыслили народные массы в это великое время. Они выражают самые сокровенные желания и чаяния более прямо и непосредственно, чем протоколы и резолюции общих собраний. «Гоните за шиворот на фронт тех, кто кричит „до победы“. На фронте небось скажут „долой войну“. А если кто из посидевших в окопах и кричит теперь о победе, значит он забыл, как сам ведмежьим голосом ревел, что дай нам миру»,¹³⁰ — вот основная мысль многих солдатских писем.

Характерно, что авторы многих писем пытаются осмыслить настроение различных социальных классов и групп. Питерский рабочий ставит вопрос о связи революции с разрешением коренных нужд трудящихся. «Товарищи, время не ждет, настроение Петрограда унылое. . . Не забудьте, товарищи, что столица дает тон стране, так пусть этот тон не будет унылым»,¹³¹ — предупреждает он еще в мае 1917 г. В письмах заметно стремление осознать новое общественное положение различных групп, показать тлетворное влияние самодержавного строя на психологию людей. «От старых порядков, от старого уклада жизни, при котором страна задыхалась в невежестве и темноте, — читаем мы в одном из писем, — остались гнилостные следы. Трудно сразу излечиться от болезни, многие из нас не привыкли к общественной деятельности, потому что царское правительство везде ее давило. Многие не привыкли связывать свои личные интересы с интересом общенности».¹³²

Письма рабочих, крестьян и солдат наглядно показывают, как революция повлияла на психологию масс, как после долгой политической спячки они проснулись и потянулись к политике. Полуграмотный рабочий Обуховского завода Т. И. Апенкин в письме, адресованном в «Исполнительный комитет рабочих и солдатских депутатов Государственной думы» (!), требует обратить внимание на вопиющую незаконность, которая, по его мнению, творится в деревне: по полученным им от своих земляков сведениям помещики продолжают рубить лес, который им уже больше не принадлежит.¹³³ 18-летний рабочий Выборгской стороны А. Олехнов обращается в связи с предстоящими выборами в районные думы Петрограда к большевикам с вопросом: «. . . что

¹³⁰ Известия, 21 июня 1917.

¹³¹ ЛГАОРСС, ф. 7384, оп. 9, д. 150, л. 65.

¹³² Известия, 24 марта 1917.

¹³³ ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 1, д. 22, лл. 119—119 об.

мне делать, куда обратиться, чтобы мне дали права на выборы? . . . Разве это равные выборы, что как защищать свои интересы, то нас исключают, как воевать идти защищать капиталиста — и мы годны 18-летние. Прошу, дайте ответ, где найти правду». ¹³⁴

Бесправные и забитые в прошлом массы связывали с революцией возможность коренного улучшения своего положения и потому не хотели мириться с теми условиями, в которых они продолжали оставаться. «Просим вашей милости, депутаты, — писали в Петроградский Совет железнодорожные рабочие станции Остров. — Обратите внимание, и не оставьте нашей просьбы, и не оставьте без внимания рабочих железной дороги. Просим Вас выехать для нового режима». ¹³⁵ Даже монахи Александро-Невской лавры обратились в марте 1917 г. к Петроградскому Совету «как справедливому оплоту правды» с просьбой об удалении из монастыря «изверга, тирана, наместника Лавры архимандрита Филарета, развратника и пропойцы». ¹³⁶

Изучая письма, можно наблюдать, как происходили в России в 1917 г. ломка и изменение привычек, обычаев, нравов, представлений, традиций и верований. За годы длительного господства самодержавие настолько себя скомпрометировало, что свержение царской власти было встречено в народе с огромной радостью. Почти безграмотный солдат присылает в газету стихи о том, как «отняли власть мошенники простые мужики, отняли власть у Коленьки, и да хоть в пастухи». ¹³⁷ Однако самодержавие, опираясь на насилие, поддерживалось вековыми традициями подчинения, и преодолеть их сразу и полностью было чрезвычайно трудно. Тем не менее даже вера в бога обретает в умах многих простых людей после свержения царизма новое содержание. В письме в Петроградский Совет один из верующих сообщает, что проповедь, прочитанная 26 марта 1917 г. в церкви Военно-медицинской академии, «действует на массу разрушающе», так как в ней содержится «укор Великой революции». Он возмущается тем, что поданная им записка за упокой павших борцов за свободу была оставлена без внимания, в то время как «имя государя императора называли». ¹³⁸ «Русский народ так много страдал и молился за кого прикажут, — пишет другой верующий. — Теперь он добыл свободу, он уже не должен молиться за кого ему прикажут. . . Русской церкви сначала должно упоминать за свободный русский народ. . .». ¹³⁹

¹³⁴ Переписка секретариата ЦК РСДРП (б) с местными партийными организациями (март—октябрь 1917 г.). М., 1957, стр. 127.

¹³⁵ ЛГАОРСС, ф. 7384, оп. 9, д. 176, л. 249.

¹³⁶ Там же, д. 148, лл. 1—2.

¹³⁷ Там же, оп. 7, д. 11, л. 38 об.

¹³⁸ Там же, оп. 9, д. 148, лл. 46—47.

¹³⁹ Там же, д. 150, л. 110.

Ценным источником для изучения общественной психологии являются мемуары, отражающие способность человеческой памяти улавливать и сохранять такие моменты и черты исторических событий, которые в других источниках часто не удается обнаружить. Характеризуя значение мемуаров, М. П. Покровский писал, что «в особенности ценными являются всякого рода воспоминания, дающие тот психологический фон и ту связь, без которой имеющиеся в наших руках отдельные документы могут оказаться непонятными или понятыми неправильно. Непосредственные свидетели возникновения документа могут лучше истолковать его букву, нежели люди, подходящие к документу через ряд лет».¹⁴⁰

Мемуары требуют не только тщательного исторического и источниковедческого анализа, но и психологического. Действительно, насколько правильно и точно отражает память различные стороны исторических событий, в особенности те, которые нельзя проверить другими источниками? Если мы обратимся к воспоминаниям участников Октябрьской революции, написанных по прошествии даже небольшого отрезка времени, то при сличении с другими документами мы обнаружим в них ошибки и неточности в передаче фактов, в особенности цифрового материала, дат событий, фамилий и т. д. Но какова достоверность восприятия этих событий, что в мемуарах является результатом памяти, а что привнесено автором позднее из других источников или придумано? Исследования психологов показывают, что человек сохраняет в течение продолжительного времени в своей памяти события, производящие на него большое впечатление. Видный советский психолог А. А. Смирнов отмечает, что «как положительно, так и отрицательно окрашенные эмоциональные переживания оказывают значительное влияние на успех запоминания, они существенно повышают прочность сохранения в памяти всего, что связано с более или менее сильными чувствами, по сравнению с тем, что не вызвало к себе никакого определенного чувства».¹⁴¹

Восприятие и запоминание человеком исторических событий теснейшим образом связано с его взглядами и убеждениями, формирующимися в определенных исторических условиях. Наиболее значительные и важные для себя события человек запоминает в первую очередь и наиболее правильно и точно.¹⁴² Известный психолог П. П. Блонский провел после Октябрьской революции интересный опыт с группой лиц, различных по социальному происхождению и политическим взглядам. Они ежедневно прочитывали весь отдел телеграмм в «Известиях» и раз в неделю рассказывали о прочитанном. «Получились чрезвычайно любопыт-

¹⁴⁰ Пролетарская революция, 1921, № 1, стр. 8—9.

¹⁴¹ А. А. Смирнов. Психология запоминания. М.—Л., 1948, стр. 14.

¹⁴² Там же, стр. 9—10.

ные результаты, — писал П. П. Блонский. — Несмотря на то, что читали они одно и то же, ярко проявилось различие того, что запоминалось ими. Их память как бы подбирала соответствующий материал».¹⁴³

Избирательность человеческой памяти, ее способность сохранить наиболее сильные впечатления и самые значимые события ярко проявляется при анализе воспоминаний участников революционных событий в Петрограде в 1917 г. Явные признаки нарастания катастрофы накануне свержения самодержавия, поведение и настроение масс в период Февральской революции, апрельского, июньского и июльского кризисов, в дни подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания и другие этапные события развития революции в России в 1917 г. описаны в воспоминаниях с наибольшей степенью полноты и достоверности.

Мы рассмотрели некоторые из письменных источников, на основании которых можно непосредственно изучать различные элементы психологии революционных масс Петрограда в 1917 г. Однако целый ряд источников, таких, как статистические данные, нормативные акты и др., дают опосредствованное представление о психологии классов и социальных групп в 1917 г. По данным о забастовочном движении, например, можно судить об упадке или подъеме революционного настроения. Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов представляет большой интерес для анализа причин разрыва с прежними, веками установившимися традициями подчинения в царской армии.

На примере Октябрьской революции мы показали важность разработки проблем социальной психологии в исторических исследованиях. Особое значение приобретает изучение революционной переделки сознания классов и групп в процессе развития советского общества. Эта переделка происходила в чрезвычайно сложной обстановке и в течение длительного времени. Как отмечал В. И. Ленин в 1918 г., перелом в условиях жизни и психологии трудящихся только-только начинался. «Рабочие и крестьяне еще недостаточно верят в свои силы, они слишком привыкли, в силу вековой традиции, ждать указки сверху, — говорил он, выступая на III Всероссийском съезде Советов. — Они еще не вполне освоились с тем, что пролетариат есть класс господствующий, в их среде есть еще элементы, которые запуганы, придавлены, воображают, что они должны пройти гнусную школу буржуазии».¹⁴⁴ Не случайно В. И. Ленин увидел в первых коммунистических субботниках начало переворота «более существенного,

¹⁴³ П. П. Блонский. Избранные психологические произведения. М., 1964, стр. 434.

¹⁴⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 276; т. 36, стр. 201.

более коренного, более решающего, чем свержение буржуазии, ибо это — победа над собственной косностью, распушенностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину».¹⁴⁵

Однако в нашей литературе по истории советского рабочего класса и крестьянства процесс превращения трудящихся масс из объекта истории в ее субъект, формирования принципиально новых общественных отношений исследован далеко не достаточно. Психологический аспект таких проблем, как социалистическое соревнование, активность и инициатива трудящихся, повышение производительности труда, историки, как правило, только затрагивают. Между тем формирование коммунистического сознания немыслимо без знания и учета общественной психологии.

Итак, общественная психология должна стать предметом внимательного изучения историков. Их исследования не только обогатят историческую науку, но и «могут оказать и окажут ценную помощь социальным психологам, дадут не только богатый материал для размышления, но и сыграют важную роль в разработке социально-психологической теории».¹⁴⁶ Перед советскими учеными, занимающимися проблемами общественной психологии, стоит сложная задача: раскрыть сущность и изучить механизмы изменений психических свойств социальных групп, слоев и классов, разработать научно обоснованные методы, которые можно было бы использовать в практике коммунистического воспитания. Для этого недостаточно дать эмпирическое описание окружающей нас жизни, необходимо разработать теоретические основы социальной психологии, и здесь, как правильно отмечают советские исследователи, большую помощь могут оказать историки, которые покажут преломление общих закономерностей в различных общественно-экономических формациях, в различных конкретных социальных и политических условиях.¹⁴⁷ Но решить эти задачи историки смогут лишь, если они в свою очередь обратятся к изучению того, что уже сделано социальными психологами, философами, социологами и др. Только на основе глубокого знания принципов, категорий, законов общественной психологии можно более или менее точно нарисовать картину социально-психологической жизни общества определенной исторической эпохи.

¹⁴⁵ Там же, т. 39, стр. 5.

¹⁴⁶ Б. Д. П а р ы г и н. Социальная психология как наука, стр. 70.

¹⁴⁷ История и социология, стр. 155—158.